

Этот проклятый мужчина — сущий пёс!

Нин Цзиньянь, вновь услышав подозрительный тон Шихуан Чжэна, замерла, невольно выругавшись про себя.

Опять двадцать пять! Шихуан Чжэн всё так же подозрителен, как и всегда. Откуда в таком молодом человеке столько недоверия? Неужели это последствия жизни заложником в царстве Чжао в ранние годы? Нехватка любви и невозможность кому-либо довериться заставили его окружить себя колючими шипами защиты от всех вокруг?

Впрочем, она сама виновата — не учла опыт. В эту эпоху положение женщины низко, а грамотных среди них — единицы. Если бы она вдруг выдала мудрые мысли, это слишком сильно противоречило бы её статусу рабыни.

Подумав об этом, Нин Цзиньянь сделала вид, что не замечает пытливого и напряжённого взгляда Шихуан Чжэна, устремлённого на неё из его тёмных, как бездна, глаз. Она обхватила его за шею своими нежными, словно из белого нефрита, руками, и, залившись краской смущения, кокетливо проговорила:

— Великий царь, вы ведь тоже находите мои слова довольно разумными, не так ли?

В её голосе Шихуан Чжэн уловил нотки гордости:

— Когда я прежде подметала во дворце, то случайно слышала, как вы говорили нечто подобное, прогуливаясь с сановниками. Я глубоко прониклась вашими мыслями и тайком их запомнила.

Она продолжала говорить всё более игриво и весело:

— В тот момент, когда я слышала, как вы произносите эти слова, я была так счастлива! Ведь я — тоже часть народа под вашим правлением. Как я могла не полюбить такого царя, который держит свой народ в сердце?

Сказав это, она застенчиво уткнулась лицом ему в грудь, и её приглушённый голос донёсся уже оттуда:

— Поэтому именно в тот миг вы навсегда поселились в моём сердце.

Когда она говорила, её горячее дыхание сквозь тонкую чёрную шёлковую ткань проникало к нему на грудь, словно лёгкое прикосновение пёрышка. Шихуан Чжэн, внимательно слушавший её, не ожидал, что этот жар заставит его тело вздрогнуть. Волна тепла мгновенно пробежала по нему, и лицо его вмиг залилось густым румянцем.

Оба они уже познали плотские утехы, и Шихуан Чжэн, не желая передавать Нин Цзиньянь в чужие руки, сам нёс её во дворец Чжантай. Когда его тело отреагировало на близость, оба они вздрогнули, но тут же сделали вид, что ничего не произошло.

В душе Нин Цзиньянь продолжала проклинать этого мужчину, называя его псом, но на её щеках расцветал такой яркий румянец, что она от стыда не смела больше проронить ни слова. Увидев её смущение, Шихуан Чжэн почувствовал, как его естество налилось стальной твёрдостью. Он, с покрасневшим лицом и храня молчание, зашагал к главному дворцу, а пытливость в его взгляде постепенно угасала.

Слуги и дворцовые девы за его спиной переглядывались, не зная, что делать. Тело Ци Цзян всё ещё одиноко лежало там, где упало. Только её личные служанки склонились над ней в беззвучном плаче, никто не смел подойти, чтобы предать тело погребению.

Сан Цинь, глядя на удаляющегося господина, схватилась за голову. Вздохнув, она вынуждена была взять всё в свои руки. Она распорядилась привести в порядок двор и спланировать посевы, а затем попросила стражу в чёрных доспехах убрать тело Ци Цзян и забрать всех её слуг.

Придворный лекарь застыл на месте. Столько лет он прослужил во дворце, но ещё никогда не видел такого Шихуан Чжэна — чтобы он стал настолько человечным из-за одной женщины? Придя в себя лишь тогда, когда царь удалился, он поспешно подхватил свой ящик с лекарствами и бросился в погоню — ведь рана госпожи Цзинь всё ещё не была перевязана. Он бежал трусцой, и его головной убор, который он только что поправил, снова съехал набок.

Нин Цзиньянь, хотя и понимала, что её объяснения звучат несколько натянуто, всё ещё чувствовала тревогу: поверит ли ей Шихуан Чжэн, когда остынет? Но сейчас было не до того — важнее всего было выжить. Она была бедна как церковная мышь, ни связей, ни положения, и всё зависело лишь от милости Шихуан Чжэна. Однако, как только она освоится, ей нужно будет начать создавать свою собственную опору, иначе, даже если она родит сына, она не сможет помочь ему вырасти и взойти на престол.

Пока Шихуан Чжэн нёс её через длинные коридоры дворца Чжантай, Нин Цзиньянь размышляла о том, что пора заняться планированием своего будущего. Первым шагом к покорению Шихуан Чжэна станет путь через его желудок, а также желание заставить его и дальше жаждать её тела. Она тихо спросила Фубао:

— У тебя есть что-нибудь для изменения фигуры или аромата тела?

Фубао, как система деторождения, конечно, понимала её мысли. Чтобы выполнить задание, она была только за и тут же радостно закивала:

— Есть, конечно, есть!

Нин Цзиньянь осмотрела свою фигуру: талия была тонкой, но в целом тело казалось слишком худым, даже пресноватым. Чтобы по-настоящему очаровать Шихуан Чжэна среди трёх тысяч красавиц гарема, было где развернуться.

Фубао, внимательно изучив её, предложила план:

— Тогда сделаем бёдра покрупнее, как персики, пальцы — потоньше, в целом добавим яркости коже, а волосы сделаем ещё чернее...

Человек и система долго шептались, обсуждая детали, и наконец утвердили план преобразования. Нин Цзиньянь довольно хихикала: этот трюк системы был куда круче, чем у пластических хирургов из будущего. Это было лучше любого фоторедактора или фильтров — она станет самой красивой женщиной в этих трёх тысячах миров!

Договорившись о плане, они стали ждать, когда обустроится её дворик, чтобы начать действовать.

Тем временем Лао Ай, вернувшись к Чжао Цзи, стоял перед ней. Он взял чашу с чаем, которую протянула служанка, выпил её залпом и лишь тогда начал свой рассказ.

— Что?! Ты хочешь сказать, что Шихуан Чжэн убил Ци Цзян?! — Чжао Цзи, выслушав всё, что видел сегодня Лао Ай, была потрясена. Несмотря на то, что за свою жизнь она повидала многое, она никогда не слышала, чтобы принцессу другого царства пронзили мечом из-за пары грубых слов.

Её охватил ужас, лицо выражало полное неверие. Мысли унеслись вдаль: её сын становился всё более жестоким и беспощадным! Она подняла глаза на Лао Ая и вздрогнула: если он узнает, что она тайно сошлась с этим человеком и, пока сын был в походе, родила двоих бастардов, что он сделает?

На мгновение ей показалось, что в ледяных глазах сына она видит лишь жажду убийства. Казалось, ещё секунда — и она, Лао Ай и двое невинных детей падут от его меча. При мысли о свирепости сына её ноги подкосились, и она без сил осела на пол.

Лао Ай, увидев это, бросился к ней и протянул руки, чтобы поддержать. Её лицо было бледным, в глазах застыл глубокий страх, и она обмякла в его объятиях, словно из неё вынули всю жизнь. Лао Ай ощутил прилив паники, но заставил себя сохранять спокойствие, мягко утешая:

— Таншу, не бойся. Я рядом, не бойся.

Увидев почти отчаянное выражение на лице Чжао Цзи, он догадался, чего именно она боится, и его мысли невольно обратились к двум сыновьям, тайно спрятанным в загородном поместье. На его лице, которое обычно светилось мягкой, почти буддийской добротой, на мгновение промелькнула скрытая, ядовитая жестокость. Она сверкнула в глубине его глаз, словно отравленное лезвие, но тут же исчезла, сменившись нежной улыбкой.

Чжао Цзи не была той женщиной, которая в гареме будет сидеть сложа руки и позволять собой помыкать. Под тихие утешения Лао Ая она постепенно пришла в себя. Слуги и евнухи уже давно поспешили удалиться, и в огромном дворце остались лишь они двое.

В короткой тишине они обнимались, наслаждаясь близостью, и рука Лао Ая беспокойно заскользила по её телу. Чжао Цзи слегка сжала его ладонь и кокетливо прошептала:

— По-моему, не лучше ли нам сперва покончить с этой рабыней по имени Цзинь? Пока она жива, мне кажется, она будет нашей бедой!

<http://bllate.org/book/18474/1772299>